

Д. М. Петрушевский

Великая хартия вольностей

**Конституционная борьба в
английском обществе во второй
половине XIII века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. М. Петрушевский**
Великая хартия вольностей: Конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века / Д. М. Петрушевский – М.: Книга по Требованию, 2016. – 180 с.

ISBN 978-5-458-39730-8

С приложением латинского и русского текста Великой Хартии и др. документов.

ISBN 978-5-458-39730-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Великая Хартия Вольностей.

I.

Въ исторіи европейскихъ обществъ едва ли можно указать вышнее событіе, которое бы имѣло такое глубокое, опредѣляющее значеніе для всей послѣдующей исторіи общества, какъ нормандское завоеваніе, отдавшее англо-саксонскую Англію и ея судьбу въ руки нормандскаго герцога и его сборной дружины. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни политическая, ни социальная, ни даже экономическая эволюція средневѣковой Англіи не можетъ быть понята тѣмъ, кто не уяснилъ себѣ въ подлежащей мѣрѣ общаго характера и смысла этого событія, послѣдствія котораго даютъ себѣ знать на каждомъ шагу при изученіи какъ общаго хода этой эволюціи, такъ и ея крупнѣйшихъ моментовъ. Имѣя въ виду предложить читателю общую характеристику одного изъ такихъ моментовъ въ исторіи средневѣковой Англіи, мы не можемъ поэтому обойтись безъ предварительной характеристики нормандскаго завоеванія, тѣмъ болѣе, что Великая Хартия Вольностей подводитъ юридическіе итоги политическому развитію Англіи, какъ оно складывалось подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ завоеванія, на почвѣ установленнаго имъ взаимоотношенія общественныхъ силъ.

Какъ извѣстно, свой походъ на Англію Вильгельмъ Завоеватель постарался обставить по возможности убѣдительными, чисто юридическими аргументами, выставляя себя законнымъ истцомъ своихъ правъ на англо-саксонскую корону, будто бы незаконно и съ нарушеніемъ страшной

клятвы надъ мощами захваченную Гарольдомъ, и высочайшій авторитетъ христіанскаго міра былъ всецѣло на его сторонѣ, превращая своей сальвціей чисто пиратскій набѣгъ нормандскаго герцога въ настоящій крестовый походъ для возстановленія попрапной правды и справедливости. Но еще поразительнѣе то, что эта юридическая фикція явилась для Вильгельма основнымъ принципомъ всей его внутренней политики въ завоеванной имъ странѣ. Не только Европѣ, но и самимъ англосаксамъ каждымъ своимъ шагомъ Вильгельмъ старался показать, что онъ законный наслѣдникъ Эдуарда Исповѣдника, что онъ лишь требуетъ того, что ему слѣдуетъ по закону, какъ и всякому другому англо-саксонскому королю. Вступивъ послѣ Гэстингсовой побѣды (1066 г.) въ Лондонъ, онъ короновался въ Уэстминстерѣ короной англо-саксонскихъ королей по англо-саксонскому обряду и могъ считать себя вполне законнымъ королемъ англосаксовъ; всѣхъ, кто не желалъ подчиняться ему, онъ разсматривалъ какъ мятежниковъ, возставшихъ противъ своего законнаго государя и заслуживающихъ за это суровой кары. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жестокой борьбы ему удалось привести къ покорности этихъ „мятежниковъ“ и стать и фактически государемъ своихъ новыхъ подданныхъ.

Въ качествѣ національнаго короля англо-саксовъ Вильгельмъ оставилъ въ силѣ ихъ правовой строй и ихъ учрежденія и, въ частности, ихъ общенародныя мѣстныя учрежденія, ихъ организацію по графствамъ и сотнямъ, а также потребовалъ отъ всѣхъ свободныхъ людей своего новаго королевства присяги на вѣрность безотносительно къ тому, въ какихъ поземельныхъ, личныхъ и юрисдикціонныхъ отношеніяхъ они находились другъ съ другомъ. И всѣ они „преклонились передъ нимъ и сдѣлались его людьми и присягнули на вѣрность ему... противъ всѣхъ другихъ людей“.

Оставляя по существу неизмѣненнымъ политическій строй англо-саксовъ, нормандское завоеваніе не производило, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, сколько-нибудь замѣтныхъ перемѣнъ и въ существѣ ихъ соціального строя. Правда,

верхній слой англійскаго общества, какъ и весь персоналъ высшей свѣтской и духовной администраціи королевства, былъ замѣщенъ завоевателями. Но, подобно тому, какъ нормандскій герцогъ вступилъ во всѣ права и обязанности англо-саксонскихъ королей, и его сподвижники, щедро надѣленные имъ помѣстьями, вступили во всѣ права и обязанности англо-саксонскихъ магнатовъ, конфискованныя владѣнія которыхъ они теперь получили, и положеніе англо-саксонской массы въ отношеніи къ нимъ по существу не измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было въ отношеніи къ туземнымъ сеньерамъ, глафордамъ, хотя и стало болѣе зависимымъ. Къ тому же, далеко не всѣ туземные сеньеры были замѣщены нормандцами, а лишь самые крупныя; менѣе значительныя остались на своихъ мѣстахъ послѣ того, какъ признали Вильгельма своимъ государемъ.

Такимъ образомъ, и въ политическомъ, и въ социальномъ отношеніи нормандское завоеваніе очень мало похоже на обычное завоеваніе, обыкновенно производящее рѣзкія перемѣны и въ политическомъ, и въ социальномъ строѣ покореннаго народа. Оно какъ-будто оставляло въ этомъ смыслѣ все по старому, скорѣе напоминая чисто династическій переворотъ, чѣмъ покореніе одного народа другимъ. Если мы напомнимъ, хотя бы вкратцѣ, что представляло собою англо-саксонское государство и общество наканунѣ завоеванія, то для насъ еще болѣе выяснится глубоко консервативный по существу характеръ нормандскаго завоеванія, и мы увидимъ именно, что въ этой консервативности завоеванія и лежитъ ключъ къ уразумѣнію того огромнаго значенія, какое оно имѣло и въ политической, и въ социальной эволюціи средне-вѣковой Англій.

II.

Къ половинѣ одиннадцатаго вѣка англо-саксонская Англія уже сдѣлала весьма серьезныя успѣхи на пути къ социальной и политической феодализаци. Это была торная дорога, по которой пошла всѣ варварскія государства, тѣмъ или

инымъ способомъ возникшія на территоріи Римской имперіи, и по которой они не могли не пойти при тогдашнихъ общихъ, хозяйственныхъ и культурныхъ, условіяхъ.

Тѣ сравнительно широкія формы политической жизни, къ которымъ перешли германскія племена, утвердившіяся на территоріи Римской имперіи, не были естественнымъ продуктомъ внутренняго роста германскихъ обществъ, но явились въ результатъ ихъ внѣшней исторіи, ихъ взаимной борьбы и ихъ столкновеній и иныхъ отношеній съ римскимъ міромъ. Переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которыя попали въ политическую обстановку, еще уцѣлѣвшую отъ имперіи, и такъ или иначе приспособились къ ней, чѣмъ еще болѣе усложнили свои политическія формы и, слѣдовательно, еще болѣе обострили несоотвѣтствіе между этими формами и совершенно элементарными основами своей общественной и, прежде всего, своей хозяйственной жизни, еще пребывавшей на стадіи домашняго, замкнутаго, натурального хозяйства.

Государству германцевъ приходилось теперь рѣшать свои уже сравнительно широкія и сложныя задачи съ помощью все тѣхъ же крайне элементарныхъ средствъ, какими обходились болѣе узкія и простыя политическія соединенія. Оно попрежнему возлагало на каждого свободнаго, обеспеченнаго земельнымъ надѣломъ германца удовлетвореніе всѣхъ потребностей, какія порождаетъ сколько-нибудь организованное общежитіе, и, прежде всего, потребности внѣшней защиты и общественнаго правосудія: какъ и въ старыя, тацитовскія времена, каждый свободный германецъ подъ страхомъ тяжелой пени долженъ былъ отправляться на собственный счетъ въ походъ, теперь уже часто далекій и продолжительный, а въ мирное время долженъ былъ посѣщать судебныя собранія своего округа, тоже требовавшія съ его стороны немалыхъ затратъ и въ смыслѣ времени, и въ смыслѣ средствъ. Теперь эти натуральныя государственныя повинности и прежде всего военная повинность были, конечно, гораздо тяжелѣе для средняго германца, чѣмъ въ старыя времена, и должны были

разрушительно отражаться на его хозяйствѣ, подкапывая такимъ образомъ его благосостояніе и дѣлая его еще болѣе неспособнымъ къ дальнѣйшему отбыванію этихъ повинностей. Но его благосостояніе и безъ того было уже въ достаточной мѣрѣ расшатано благодаря цѣлому ряду причинъ, такихъ, какъ естественное дробленіе надѣловъ, какъ нерѣдкій въ тѣ времена прямой захватъ ихъ сильными людьми, какъ вынужденная продажа ихъ для уплаты непомѣрно тяжелыхъ штрафовъ, которые налагало на преступника и его родъ уголовное право варварскихъ правдъ, и т. п.

Такъ или иначе, но государству сравнительно скоро пришлось считаться съ неспособностью массы нести свои натуральныя государственныя повинности, и оно было вынуждено ограничиться требованіемъ ихъ лишь съ части населенія, лишь съ тѣхъ, кто поднялся надъ массой, кого широкая государственность не только не придавила тяжестью своихъ требованій, но даже сдѣлала богатымъ и сильнымъ, кто вышелъ побѣдителемъ изъ жизненной борьбы, не только не ослабѣвъ въ ней, но усилившись па счетъ слабого, приобрѣта власть надъ нимъ и надъ его землею, и кого обогатили прямо или косвенно королевскія пожалованія, въ видѣ ли земельныхъ выдачъ изъ королевскихъ доменовъ или въ видѣ передачи королемъ своихъ фискальныхъ правъ, органически связанныхъ тогда съ правомъ суда и съ другими правами, принадлежавшими королю, какъ верховному главѣ государства. Только такіе люди, богатые и сильные, и могли теперь нести ставшія не по плечу среднему человѣку государственныя натуральныя повинности. На нихъ главнымъ образомъ и принуждено было теперь государство взвалить эти повинности.

Но оно не ограничилось этимъ. Этой созданной въ значительной мѣрѣ самой королевской властью аристократіи государство принуждено было передать въ видѣ новой государственной натуральной повинности и судъ, и управленіе массой послѣ того, какъ родовые союзы, нѣкогда въ той или иной мѣрѣ гарантировавшіе общественный миръ, мало-по-малу

разложились, и государству одному пришлось, съ помощью своихъ крайне недостаточныхъ средствъ, справляться съ этой крайне трудной задачей. Задача эта ему одному была не по силамъ, и оно вынуждено было возложить часть ея въ видѣ натуральной повинности на отчасти имъ же самимъ созданную общественную силу, передать новой—служилой и духовной—аристократіи полицейскую и судебную власть надъ массой, которая уже и безъ того стала отдаваться подъ частную власть этихъ сильныхъ людей, не рассчитывая, съ разложениемъ родовыхъ союзовъ, устоять въ жизненной борьбѣ, все болѣе и болѣе суровой и безпощадной.

Общество, такимъ образомъ, дифференцировалось. Изъ массы, когда-то болѣе или менѣе однородной, выдѣлялась группа, къ которой и переходило отправление натуральныхъ государственныхъ повинностей, прежде лежавшихъ на всѣхъ, выдѣлялся особый военный и правящій классъ, свѣтскій и духовный. Но это измѣненіе соціального строя общества не влекло за собой существенныхъ измѣненій въ его хозяйственномъ строѣ. Общество попрежнему продолжало жить мелкими, самодовлѣющими, тождественными по своему строению, замѣнутыми хозяйственными группами. Разница съ прежнимъ была лишь въ томъ, что теперь эти сельскія группы должны были отдавать часть продуктовъ своего хозяйственного труда, а потомъ и часть самого этого хозяйственного труда постепенно выдѣлившемуся изъ массы, въ хозяйственномъ смыслѣ непроезвительному—военному и правящему—классу, обеспечивая ему, такимъ образомъ, возможность вести свои государственныя натуральныя повинности и постепенно вслѣдствіе этого превращаясь изъ свободныхъ, независимыхъ общинъ въ феодальныя помѣстья.

Это постепенное превращеніе основной массы свободныхъ людей, подпавшихъ подъ частную власть представителей военного и правящаго класса, въ несвободныхъ виллановъ, а тѣхъ независимыхъ хозяйственныхъ организацій, къ которымъ они принадлежали, въ феодальныя помѣстья, не вносило, повторяемъ, сколько-нибудь существенныхъ перемѣнъ

въ основы ихъ хозяйственнаго строя. Необходимой предпосылкой этого превращенія именно и являлось то, что общество въ хозяйственномъ отношеніи оставалось все тѣмъ же. Столь характерная для феодальнаго строя, эта помѣстная система съ ея сеньерами и вилланами именно и явилась, говоря вообще, продуктомъ политической необходимости, необходимости приспособить удовлетвореніе потребностей сравнительно широкаго и сложнаго политическаго цѣлаго въ оставшимся неизмѣнными элементарнымъ хозяйственнымъ условіямъ общества. Благодаря чисто внѣшнимъ причинамъ государственность германскихъ племенъ значительно опередила ихъ хозяйственную и культурную эволюцію, и неизбѣжнымъ социальнымъ результатомъ этого несоотвѣтствія между политическими формами, съ одной стороны, и хозяйственными и культурными основами общества, съ другой, и явилось феодальное расчлененіе общества на сеньеровъ и виллановъ, эта столь характерная для феодализма социальная система государственныхъ служилыхъ сословій ¹⁾.

Все это мы находимъ и у англо-саксовъ. И коммендація, и иммунитетъ, и бенефиціи развивались и у нихъ съ очень давнихъ временъ, и въ половинѣ одиннадцатаго вѣка развитіе это сдѣлало уже весьма значительные успѣхи. Наканунѣ нормандскаго завоеванія англо-саксонское общество было уже вполне аристократическимъ и по существу феодальнымъ, глафорды и вилланы представляли собою уже вполне опредѣлившіяся общественныя группы, и помѣстная система въ основныхъ чертахъ была уже налицо.

Но, какъ ни энергично развивался здѣсь процессъ феодализаціи, ему еще не удалось разрушить широкую государственность англо-саксовъ (какъ это произошло съ государственно-стью франковъ и другихъ континентальныхъ „варварскихъ“ обществъ), ихъ общегосударственныя, народныя учрежденія:

¹⁾ Для болѣе подробнаго ознакомленія съ процессомъ феодализаціи зап.-европ. обществъ отсылаемъ читателя къ нашимъ *Очеркамъ изъ исторіи средневѣковаго общества и государства*, изд. 3-е, 1913 г. и къ *Возстанію Уотта Тайлера*, изд. 2-е, 1914 г. (глава III и Заключение).

и королевская власть у англо-саксовъ еще не выродилась въ сюзеренитетъ и не утратила еще непосредственной связи съ народной массой, не взирая на возникновение могущественной аристократіи, и верховное собраніе королевства, утѣнагемотъ еще не превратился въ чисто-феодалный сеймъ королевскихъ вассалловъ, и—это едва ли не самое важное для всей дальнейшей исторіи Англiи обстоятельство—продолжала существовать и функционировать мѣстная организація англо-саксонскаго общества, сотни и графства съ ихъ періодическими собраніями, на которыя попрежнему отправлялись судить преступниковъ, улаживать гражданскія тяжбы, обсуждать мѣстные и общегосударственныя дѣла и выслушивать королевскіе указы всѣ мѣстные землевладѣльцы, какъ сеньеры, такъ и вилланы (первые лично, а вторые, какъ и въ старыя времена, черезъ своихъ представителей въ лицѣ четырехъ человекъ отъ каждой общины, съ своимъ старостой и приходскимъ священникомъ во главѣ). Всѣ эти общегосударственныя учрежденія еще сохраняли свою жизненность. Но на ряду съ ними все ширилась и крѣпла частная власть, все больше и больше суживая ихъ территорію, такъ что ея окончательное торжество было только вопросомъ времени.

И въ этотъ моментъ падъ странюу разразилась нормандская гроза.

III.

Легко понять, чѣмъ должна была явиться для такого общества консервативная политика Вильгельма Завоевателя. „Повелѣвая и желая, чтобы всѣ хранили и соблюдали законы короля Эдуарда“, требуя, чтобы всѣ „обращались къ сотнѣ и графству такъ, какъ это постановили предшественники наши“, принимая клятву вѣрности отъ всѣхъ „владѣвшихъ землею людей, какіе только были во всей Англiи, чьими бы они ни были“, Вильгельмъ не просто санкціонировалъ политическій порядокъ, найденный имъ у завоеваннаго народа, уже давно распатанный и готовый разложиться подъ напоромъ все шире и глубже захватывавшаго общество феодала.

лизационнаго процесса. Эти его торжественныя заявленія означали нѣчто гораздо большее. Они свидѣтельствовали о томъ, что въ вѣковомъ спорѣ между широкой государственностью и все надвигавшимся феодализмомъ Вильгельмъ становился на сторону первой, принося сюда съ собою и всю ту матеріальную силу и могущество, какія дала ему побѣда надъ англо-саксами, и преимущества болѣе высокой культуры, отличавшія его и его сподвижниковъ сравнительно съ остальными обитателями завоеванной имъ страны. Располагая огромными матеріальными ресурсами въ видѣ многихъ сотенъ доставшихся ему помѣстій, имѣя въ своемъ распоряженіи прекрасно организованную военную силу, оставлявшую далеко позади плохо дисциплинированныя дружины англо-саксовъ, такой англо-саксонскій король могъ дать серьезный отпоръ феодализму—поскольку этотъ послѣдній могъ быть опасенъ для него—и возстановить во всей ея жизненной силѣ широкую государственность англо-саксовъ. И Вильгельмъ сдѣлалъ не только это. Онъ поставилъ королевскую власть и англо-саксонскую государственность на такую высоту, на какой она едва ли и стояла когда нибудь у англо-саксовъ.

Укрѣпляя свою власть на прочномъ базисѣ общегосударственныхъ, національныхъ учрежденій, Вильгельмъ, однако, вовсе не горывалъ съ феодализмомъ. Поскольку феодализмъ представлялъ собою социальную форму, неизбежную при болѣе или менѣе широко поставленной государственности, опиравшейся на натурально-хозяйственную основу, онъ былъ необходимъ и въ государствѣ Вильгельма Завоевателя. Феодализмъ вполнѣ совмѣстимъ съ широкими политическими формами, лишь бы государство имѣло силы и средства господствовать надъ нимъ, заставить служить себѣ частную власть сеньера надъ вилланомъ, сюзерена надъ вассаломъ. Вильгельмъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ средства, необходимыя для такого господства, и онъ прибрѣлъ его. Это политическое обезвреженіе феодализма дало Вильгельму возможность въ то же время провести феодальную точку зрѣнія съ такой полнотой и законченностью, съ какой она не была проведена

нигдѣ въ Европѣ. Благодаря тому, что почти всѣ земельныя владѣнія англо-саксовъ фактически прошли черезъ руки Завоевателя—путемъ ли прямого вооруженнаго захвата, или въ результатъ конфискацій, временныхъ или безусловныхъ,—*все* землевладѣльцы Англіи оказались феодалными *держателями* короля, получившими и державшими оной земли или непосредственно (in capite) отъ короля, или отъ него же въ послѣднемъ счетѣ.

Такое полное проведеніе феодальнаго принципа въ сферѣ земельныхъ отношеній, дѣлавшее Англію Вильгельма Завоевателя самой феодальной страной во всей феодальной Европѣ, было связано съ обстоятельствомъ, не встрѣчавшимся нигдѣ въ Европѣ: разъ всѣ землевладѣльцы „держали“ отъ короля и приносили ему клятву вѣрности „противъ всѣхъ людей“, безотносительно къ тому, чьими бы вассалами они ни были, то всѣ они должны были нести ему одному и главную „службу“—военную повинность (servitium militare). Такая широкая постановка феодальной военной „службы“, превращавшая ее въ „службу“ исключительно королевскую (regale servitium), разъ навсегда отдавала феодализмъ на службу государству и дѣлала его источникомъ не слабости, а силы королевской власти и представляемой ею широкой государственности.

Нечего и говорить, что, создавъ себѣ такую опору въ феодализмѣ, королевская власть могла во всей силѣ осуществлять свои права, унаслѣдованныя ею отъ еще не успѣвшей разложиться англо-саксонской государственности, будутъ ли то юрисдикціонно-фискальныя права, осуществлявшіяся ею черезъ посредство судебныхъ собраній, сотенъ и графствъ, или права чисто фискальныя въ формѣ налоговъ и таможенныхъ и рыночныхъ пошлинъ, или же, наконецъ, право требовать въ случаѣ опасности въ ополченіе всѣхъ свободныхъ людей королевства. Все это ставило королевскую власть нормандской и слѣдовавшей за нею анжуйской ¹⁾ династіи на недосягаемую

¹⁾ Анжуйская династія англійскихъ королей начинается съ короля Генриха II Плантагенета (1154—1189 г.), бывшаго въ то же время и графомъ Анжуйскимъ.